

Ю.А. ГОВОРУХИНА

*доктор филологических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет
Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» в г.Калининграде*

УДК 82.09

ПЕРЕПИСЫВАНИЕ БИОГРАФИИ КАК ФОРМА КОНСТРУИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Либеральная и патриотическая литературная критика – социальные группы со свойственной им культурной памятью, обеспечивающей коллективную идентичность. Материал литературной критики представляет исключительный интерес для исследований *memory studies*, поскольку именно она невзирая на объявленный конец литературоцентризма активно формирует кластеры культурной памяти, обращаясь к богатейшему источнику – художественной литературе.

Жанр юбилейной статьи в критике представляет собой не только воспоминание о «своем» писателе. Биография предельно прагматически выстраивается критиком, ре- пере- конструируется в зависимости от его идеологической задачи. Одни факты «забываются», другие означиваются как наиболее важные, третьи переозначиваются. В результате, в коллективной памяти актуализируются и передаются ценности, образцы поведения, образы «своих» и «чужих».

Память обладает способностью «собирать» серии разрозненных событий в различные структурированные нарративы. Такими нарративами в литературной критике становятся воспоминания о писателях и событиях в жанре юбилейной статьи. Рисующие жизнь как подвиг, критики создают биографии, которые становятся знаками идентификации, отличительными маркерами «своих».

Патриотическая критика использует разные стратегии переписывания биографии: конструирование «своего» и «чужого» образа писателя, компрометирующее жизнеописание «чужого» автора. В результате, в нарративах вычленяются типичные сюжетные модели.

В современных биографиях можно увидеть следы ностальгического дискурса. «Припоминание» бывшего значимого статуса и заслуг как форма ностальгии позволяет смягчить переживаемый кризис самоидентификации. Критика создает новую идентичность, актуализируя прошлую модель критики и критика. Ностальгия по советскому предполагает означивание событий советского периода как ценных в данный момент. События советской биографии находятся в так называемом «культурном архиве». Не репрезентативные, не отражающие реальную действитель-

ность, они оказались востребованными, потому что совпали с драматично переживаемой утратой статуса.

Таким образом, процесс переписывания определяется доминирующими либеральными или патриотическими ценностями. Причем из одного и того же «мемориального» материала либералами и патриотами выстраиваются разные нарративы идентичности.

Ключевые слова: литературная критика, культурная память, групповая идентичность, биография, переписывание биографии, ностальгия, дискурс, патриотическая критика, либеральная критика.

YU.A. GOVORUKHINA

Doctor of Philology, Associate Professor

Siberian Federal University

Military Educational and Scientific Center "Naval Academy", Branch in Kaliningrad

REWRITING BIOGRAPHY AS A FORM OF CONSTRUCTION AND TRANSFORMATION OF CULTURAL MEMORY IN MODERN LITERARY CRITIC

Liberal and patriotic literary critics are social groups with their cultural memory that ensures collective identity. The material of literary critic is of interest for memory studies. Despite the announced end of literary centrism, it actively forms clusters of cultural memory, referring to the richest source - literature.

The genre of the jubilee article in criticism is not only a recollection of "our" writer. The biography is built in an extremely pragmatic way. It is reconstructed depending on the ideological goal of the critic. Some facts are being forgotten, some are designated as more important, others are resignified. As a result, values, behavioral patterns, images of "ours" and "strangers" are actualized and transmitted in the collective memory. The rewriting process is determined by dominant liberal or patriotic values. Moreover, liberals and patriots build different narratives of identity from the same "memorial" material.

Memory has the ability to "collect" a series of disparate events into various structured narratives. Memories about writers and events in the genre of an anniversary article become such narratives in literary criticism. Painting life as a heroic deed, critics create biographies that become signs of identification, distinctive markers of "ours".

Patriotic criticism uses different strategies for rewriting biography: constructing "our" and "stranger" images of the writer, compromising the biography of the "stranger" author. As a result, typical plot models are singled out in narratives.

Traces of nostalgic discourse can be seen in modern biographies. "Remembrance" of the former significant status and merit as a form of nostalgia helps to alleviate the crisis of self-identification that is being experienced. Criticism creates a new identity by updating the past model of criticism and critic. Nostalgia for the Soviet means that the events of the Soviet period are considered valuable at the moment. The events of the Soviet biography are kept in the so-called "cultural archive". Not representative, not reflecting real

reality, they turned out to be in demand, because they coincided with the dramatically experienced loss of status.

Thus, the rewriting process is caused by dominant liberal or patriotic values. Moreover, from the same “memorial” material, liberals and patriots are building different narratives of identity.

Keywords: literary criticism, cultural memory, group identity, biography, biography rewriting, nostalgia, discourse, patriotic criticism, liberal criticism.

Современная литературная критика в ее либеральной и патриотической разновидности может быть рассмотрена как социальная группа со своей культурной памятью, обеспечивающей коллективную идентичность. Различные тексты, персоналии и события прошлого периодически вспоминаются (актуализируются) «либералами» и «патриотами», нередко эта актуализация имеет выраженный прагматический посыл. Сравнивая варианты коллективной памяти, запечатленные в литературно-критических статьях разных жанров, мы обнаруживаем конфликт интерпретаций. Культурная память «либералов» и «патриотов» по-разному структурируется, критиками используются разные формы припоминания и забвения: те или иные факты литературного процесса вытесняются или, наоборот, присваиваются, означаясь как «свои». Цель данной статьи – исследовать явление создания и переписывания биографий «своих» и «чужих» как формы приращения и укрепления коллективной культурной памяти.

Методология. В основе нашего исследования лежит комплексная методология, которая включает семиотический и коммуникативный подход к изучению коллективной памяти. Исследуя разные варианты говорения о прошлом и переписывания прошлого, мы выходим на некоторые обобщения о языке, позволяющем членам одного сообщества критиков понимать друг друга и идентифицировать себя с той или иной группой. Используя модель коммуникации, предложенную А. Г. Васильевым [16; С.32], назовем главных коммуникаторов в литературной критике:

- устойчивые культурные традиции и стереотипы, определяющие восприятие прошлого в рамках данного сообщества;

- критики как творцы коллективной памяти, которые манипулируют традициями, создают, поддерживают, актуализируют или вытесняют те или иные в зависимости от интересов группы;

- потребители коллективной памяти (критики/писатели-патриоты/либералы, «свои» и «чужие» читатели).

Основными методологическими и теоретическими установками для нас являются следующие:

- образ прошлого является социокультурным конструктом, а не данностью;

- культурная память понимается нами, вслед за Я. Ассманом [2] и М. Хальбваксом [33], как специфическая для каждой культуры форма передачи и осовременивания культурных смыслов;

- культурная коллективная память понимается как процесс нелинейный, динамичный, допускающий трансформации;

- культурная память при условии регулярного обращения к ее образам, играет важнейшую роль в формировании групповой солидарности и идентичности, сохраняя и передавая ценности и образцы поведения;

- коллективная память потенциально конфликтна и является для социальных групп инструментом для достижения определённых целей.

Биография «своего» как конструктор

Авторитетные образы-символы коллективной памяти имеют большую ценность для социальной общности (в нашем случае – для того или иного крыла критики). Эти образы событий и лиц обладают как правило позитивной или негативной окраской. Для либеральной критики это, например, образ либерала-Твардовского, правдоруба-Солженицына, гения-Бродского, для патриотов – образ истинно народных писателей В. Распутина, В. Солоухина, В. Белова. Каждый из них является носителем важных значений, структурирует коллективную память и поэтому регулярно припоминается.

Мировоззренческая и ценностная общность «своих» писателей объясняет повторяемость приемов, используемых в процессе конструирования их биографий. В результате, появляется модель биографии «своего» писателя, которая используется и как критерий оценки других персоналий (соответствуют или нет идеальной модели), и как прагматический прием означивания нового автора как «своего» или «чужого». Исследование литературных портретов и юбилейных статей, опубликованных в «Нашем современнике» в 2000-е годы, позволило вычлнить две модели биографии и, соответственно, два сюжета: сюжет испытания и сюжет «блудного сына».

Первый предполагает столкновение писателя с «врагом» (это может быть город, либералы, власть, западные эстетические течения, евреи) и успешное прохождение испытания/искушения (писатель остается верным своим убеждениям). Такой сюжет кладет в основу биографий В. Бондаренко (в статьях «Алая любовь Ольги Фокиной» [4], «Элегическое простодушие Коли Дмитриева» [14], «И весь он, как ерик потайной. О прозе Петра Краснова» [8] и др.). Как правило, в начале статей писатель рисуется изначально отмеченным судьбой, Богом, идеализируется. Таким образом критик задает установку восприятия автора как «положительного героя». В биографии «своего» писателя имеет место драматическое прошлое, как правило, связанное с давлением Системы (ГУЛАГ в судьбе А. Знаменского

и Л. Бородина, штрафбат в жизни Е. Буравлева, атмосфера отверженности в творческой судьбе Н. Тряпкина). Если же реальная биография писателя благополучна и он не испытывал прямого воздействия власти, биограф восполняет необходимый «сюжетный» компонент: так, А. Василенко создает образ Ю. Бондаренко, успешного писателя и в то же время человека, «загнанного в искусственный машинообразный мир», «духовно отрезанного от веры в Творца, от собственной традиции», осознающего «отсутствие полноты своего бытия» [15; С.23].

По мере развития сюжета (изложения идеальной биографии) усиливается героическое начало. Обязательное место в биографии «своего» писателя – выбор провинции, пространства, оживленного русской природой, народными традициями: П. Краснов возвращается на родину в Оренбуржье, О. Фокина выбирает родную Архангельскую область.

Биография «своего» автора выстраивается как описание жизни-борьбы. Врагами оказываются диссиденты, шестидесятники-западники, прозападные журналы, власть, антирусская элита и т.п. Борьба в биографиях – прежде всего нравственная и идеологическая, но не уступающая реальной в ожесточенности. Помимо врага в биографиях присутствует «слабый герой», позволяющий подчеркнуть героизм «своего» писателя. Например, в статье Н. Колмогорова, посвященной Е. Буравлеву, таким героем является обобщенный образ «спившихся, “стаскавшихся в безвестности творчески” людей из провинции, которые... рискнули и бились на юру, подавшись за легкою славой, потеряв всякие корневые связи с отчиною <...> опустили до жалкого положения околотитературных прилипал» [21; С.284]. В. Бондаренко усиливает принципиальную почвенность, приверженность «красоте и истинности русской деревни» О. Фокиной [4; С.251], вводя фигуры Н. Рубцова и А. Передреева: «Они вместе ушли из деревни, но Ольга Фокина всегда оставалась посланницей этой отеческой земли в иных городских просторах и откровенно томилась и задыхалась там, а Николай Рубцов и Анатолий Передреев, подобно Сергею Есенину, вознамерились победить и город. Отсюда и трагический надлом. У обоих» [там же]. В другой статье критик противопоставляет Б. Примерова и О. Чухонцева: «Мне думается, первопричина в том, что Олег Чухонцев устыдился своей посадской убогости и отвернулся от нее, а Борис Примеров и в книжности своей оставался мужицким поэтом» [7; С.256].

Смерть писателя в биографии описана героически, как подвиг. И даже самоубийство Б. Примерова В. Бондаренко называет гибелью («Нет, конечно же, смерть Бориса Примерова – это прямая политика <...>. Любя, защищая народ, он, того не желая, стал политиком <...> Нет, не слабость он проявил, а акт борьбы, и гибель его – это гибель борца» [7; С.260]).

Смерть Н. Тряпкина называется смертью на баррикаде («И что-то глубинное перенесло его из сказов и мистических преданий, из пацифизма и любовного пантеизма в кровавую баррикадную красно-коричневую схватку <...>. В те годы он был частью нашего “Дня”, был нашим сотрудником в народе. Был нашим баррикадным поэтом. И он гордился таким званием. Гордился совместной борьбой» [10]). Финал биографий героически пафосен и акцентирует верность избранным идеалам.

Сюжет «блудного сына» встречаем в биографиях второго типа (статьи В. Бондаренко «Покаяние грешного Глебушки...» [12], «Добровольное гетто Юнны Мориц» [6], «Последний поклон Астафьеву» [13]). Ранний этап творчества писателя рисуется как этап заблуждений (в сфере эстетических ориентиров, отношения к народу/народной культуре, веры). Очищение, покаяние героя биографии сопряжено с душевными муками, которые, однако, приводят к истине: Г. Горбовский осознает себя частью общего, проводником «народных чувств и эмоций» [12], Ю. Мориц – свою близость с отверженным постсоветским режимом [6], В. Астафьев приходит к осмыслению важных христианских вопросов в последних записях [13].

Чем удаленнее эпоха по времени, тем больше культурных событий и персоналий, которые одинаково востребованы и припоминаются обеими группами. У этих событий больше символического капитала, они прочно вошли в историю отечественной и мировой литературы, обладают мощным прагматическим потенциалом. «Либералы» и «патриоты» черпают из одного «мемориального материала», создавая свои варианты биографии, вписывая в творческую и повседневную жизнь А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и других классиков моменты идеологически близкие. Прошлое, таким образом, используется как инструмент для создания образа происхождения группы, установления линии преемственности и создания «своей» коллективной биографии.

Так, например, к 200-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева А. Убогий пишет юбилейную статью «Россия и Тютчев», в которой жизнь писателя представляет как биографию «своего» автора. В изображении А. Убогого, Тютчев живет с ощущением мировой тревоги и боли, «личностного соучастия в делах мира» [здесь и далее: 32], он народен и «близок русской томящейся и беспокойной душе», несет «бремя ответственности за грехи, и свои, и чужие». И одновременно борется с эгоцентризмом, погруженностью во внутренние противоречия собственной личности («...только с одним существом на свете, при всем моем желании, я ни разу не расставался, и это существо – я сам... Ах, до чего же наскучил мне и утомил меня этот унылый спутник...»). Эгоцентрическое начало Тютчева, влюбчивость интерпретируются критиком в нужном ему аспекте: «влюбчивость Тютчева –

вот еще одно бремя, которое он, изнывая, пронес через всю свою жизнь, – находится в родственной связи с его неуемной тревогой. Влюбчивость – проявление того же самого, никогда в нем не угасавшего, беспокойства, это порыв его пылкой, чувствительной, страстной души куда-то “вовне” и “вотще”, к тому, чего ей, душе, не хватает, порыв туда, куда ее гонит тревога». Тревожность, чувствительность, страстность здесь – это уже качества «своего» писателя, которые потенциально могут быть развернуты в направлении к народу, на социальные проблемы. Испытание Западом, как видится А. Убогому, Тютчев проходит стойко, укрепляется в патриотизме («как огненный меч из холодной воды, выходит из европейской, так остужающей душу, купели еще более закаленным, решительным патриотом» – обратим внимание на сравнение с мечом, образно вписывающемся в ряд героического). Еще одно испытание – богоборческие настроения. А. Убогий обнаруживает в сакральной глубине стихотворения «Два голоса» «предчувствие Бога и упование на Него», делает вывод: «Но при всем синтетизме, при сопряженности разных религиозных миров – его сердце шло православным путем».

Биография Ф.И. Тютчева, пришедшего к осознанию православной основы Святой России через испытания и искушения, оказывается для патриотической критики идеологически важнее, поскольку задает модель движения для множества неопределившихся («В этом-то смысле Тютчев сейчас для нас чем-то даже нужнее, чем Пушкин: не упоенье гармонией нас исцелит, но сознание того, что наш русский путь есть путь одоления противоречий, путь обуздания и просветления хаоса»).

Переписывание биографий: техника и прагматика

Память обладает способностью «собирать» серии разрозненных событий в различные структурированные нарративы. Такими нарративами в литературной критике становятся воспоминания о писателях и событиях в жанре юбилейной статьи. Рисующие жизнь как подвиг, критики создают биографии, которые становятся знаками идентификации, отличительными маркерами «своих».

Патриотическая критика весьма разнообразна с точки зрения используемых ею стратегий освоения литературного поля. В рамках затронутой темы интерес представляет стратегия «захвата», на которой строится еще один выделяемый нами биографический сюжет «скрытой подлинности». Критик обнаруживает и соответствующим образом подает факты жизни как доказательство подлинной, народной сути, казалось бы, «чужого» автора. Он переписывает биографию, включая в нее «правильные» поступки, «правильно» интерпретирует сделанное/сказанное. Такую стратегию обнаруживаем в статьях В. Бондаренко «Подлинный Венечка.

Разрушение мифа», «Одинокое блуждание по земле», «Взбунтовавшийся пасынок русской культуры». В процессе создания биографии рисуется двойственный образ, а любая двойственность позволяет, делая верные акценты, вывести на первый план одно и нивелировать или оспорить другое. Таким образом персоналия из «чужого» поля располагается на периферии «своего». А далее используется инструментарий переозначивания, который включает разоблачение либерального круга друзей и знакомых писателя, «в результате которого писатель как знак оказывается лишен коррелятов, связей с другими знаками, удерживающими его в данном семиотическом поле» [19; С.328]; окружение героя биографии альтернативными «своими» коррелятами; оправдание «чуждых» поступков писателя влиянием окружения; компенсацию «грехов» писателя значимыми для своей группы добродетелями (так, мировоззренческие ошибки и тупики Ерофеева оправдываются нефальшивостью писателя); демонстрацию близости народу, русскости.

В. Маяковский с его модернистскими эстетическими пристрастиями, сомнительными личными отношениями, богоборчеством, казалось бы, должен быть «прописан» патриотами в либеральном литературном поле. Однако ореол классика делает фигуру поэта наделяющей мощным символическим капиталом, за который стоит побороться, что и делает критик А. Воронцов в статье «Маяковский и его железные книги». Несмотря на факты явно непатриотические (Маяковский уподобляется Воронцовым Шарикову: к пребыванию на любых фронтах и даже в тылу фронтов поэт относился так: «на учет возьмусь, а воевать – шиш с маслом»), критик не сомневается, что, переживи поэт тяжёлый для него 1930-й год, он бы активно обратился к державной и даже русской патриотической тематике [18; С.273]. Биографическое доказательство тому – голос крови: «предки поэта, происходившие из запорожских и кубанских казаков, были государственной служилой костью». Как известно, в автобиографии «Я сам» В. Маяковский писал, что с гимназических времен «возненавидел сразу – все древнее, все церковное и все славянское». А. Воронцов сомневается в искренности такого заявления и утверждает, что до знакомства с Бриками поэт не был ни славянофобом, ни русофобом. В качестве доказательства приводит фрагмент из статьи Маяковского «Как бы Москве не остаться без художников» (1914): «...теперь, когда заинтересовались идеями национального искусства, ведь видят, что Шишкин, например, добросовестнейший немец, рабски подражавший Мюнхену. Далеко ли то время, когда у остальных спросят: «простите, вы русский?», «... надо откопать живописную душу России... Молодые! Боритесь за создание новой свободной академии, из которой могли бы диктовать одряхлевшему Западу русскую волю, дерзкую волю Востока» [18; С.274], фрагмент из статьи-манифеста

«Война и язык» (1914), в которой поэт требует «сделать язык русским» по общеславянским правилам словообразования. Увлечение авангардизмом оценивается критиком как заблуждение, нейтрализуется замечанием: «с юности был абсолютным государственным в ницшеанско-прохановском духе». Гибель поэта в выстраиваемой биографии подается, скорее, как урок: долгое следование ошибочным убеждениям, движение по неистинному сюжету отбирает силы, отягощает инерцией: «Ближе к четвертому десятку он захотел настоящей, человеческой любви, а первенствовать в литературе желал уже не как потрясатель основ, а как классик новейшей эпохи. Но “банда поэтических рвачей и выжиг” захохотала и радостно плюнула в лицо ему... “Нате!” – он утерся и – застрелился. Силёнок у него, чтобы снова выходить с ножом на Бога, больше не осталось, а утвердиться по-другому не получалось» [18; С.75].

Статья В. Бондаренко «Подлинный Веничка. Разрушение мифа» – пример переписывания либеральной версии биографии Вен. Ерофеева. Задачу критика можно определить так: нейтрализовать комплекс смыслов, которым наделена биография Ерофеева в либеральном культурном поле, предложив другую версию жизненного сюжета и предложить увидеть писателя в обновленных координатах. В. Бондаренко разоблачает окружение писателя, интеллигентов-либералов-шестидесятников, которые, по мнению критика, использовали Ерофеева в своих политических («вся либеральствующая интеллигенция с вечной фигой в кармане дружно воплощала обреченное трагическое одиночество Ерофеева в примитивную антисоветскую агитку. И вольно же им было додумывать за писателя всяческие пропагандистские небылицы?»; «Венедикта раскручивали для дальнейшего унижения России. И не более» [11; С.177]) и личных целях (его использовали как знак принадлежности к неофициальной культуре). В. Бондаренко приводит факты предательства, затем замещает низвергнутое окружение «своим», включая в биографию Ерофеева события, в которых патриоты помогали писателю. Следующий прагматически важный и сильный шаг – сближение судьбы и характера Вен. Ерофеева и Венички с судьбой России и ментальностью русского народа: «Его осознанное обреченное одиночество, его трагическая судьба – это часть России, а не демократического хоровода. И нескончаемое похмелье, и выбросы отчаяния, и усталость его души, и даже его злость, его нападки на мир, на общество, на людей, его антипафосность – не придуманы, не фальшивы. Он нес в себе свое дезертирство, то гордясь им, то томясь от него. И это часть подлинной нашей жизни, а не эстетская игра нынешних постмодернистов», «Он и был – неправильным героем. Его пьяная электричка – была его обломовским диваном. И в этой подлинности существования он был предельно русским, по-

следовательно русским, может быть, одним из наиболее подлинных русских типов в литературе конца XX века» [11; С.179,184]. В результате, образ писателя означается как «народный», эта оценка принципиально важна в системе ценностей патриотического журнала. Критик демонстрирует противоречивость Ерофеева, проявившуюся в его представлениях о демократии, в его отношении к еврейскому вопросу. Эта противоречивость позволяет «прописать» Ерофеева в «своем» пространстве.

В. Бондаренко вносит в биографию Ерофеева и элемент героического: пишет о сопротивлении Системе, о драматических последствиях этого сопротивления.

Вен. Ерофеев в «чужой» биографии – оппозиционер, в интерпретации Бондаренко – человек трагически заблуждавшийся, потерявший веру в жизнь, по своей воле отрекшийся от «нормальной жизни, которую он уже воспринимал, как предательство, как презираемое им обывательство» [11; С.184].

Если в биографии писателя имеют место события, не вписывающиеся в сценарий жизни «своего», критик «подгоняет» ее под образец, «правильно» интерпретируя. Так, например атеизм С. Наровчатова критик Л. Лавлинский корректирует следующим образом: «Евангельские истины <...> всегда жили в глубине его души, несмотря на то, что кровавая реальность как бы постоянно их опровергала» [23; С.261], обнаруживает христианскую Истину во внутренней логике художественных образов поэта, приводит в доказательство образы и лексические обороты из Священного писания в текстах С. Наровчатова.

Компрометирующее переписывание биографии

Биографии «чужих» писателей также подвергаются переписыванию: меняются акценты, опровергаются факты, обнаруживаются ранее неизвестные свидетельства. В результате, авторитетный в чужом литературном поле писатель компрометируется.

Так, в статье, посвященной А. Солженицыну и названной знаково «Торжество лжепророка», Р. Панферов разрушает образ Солженицына-пророка, творца с вечной болью в душе за родину и создает другой: осторожного, осмотрительного, прагматичного, конъюнктурного человека. Успех «Одного дня Ивана Денисовича», по мнению критика, во многом определила правка, осуществленная А. Твардовским: в результате «сюжет выпрямился, исчезла рыхлость, утяжеляющие подробности. Заиграла, зазвучала повесть» [28; С.245]. Корректируется военный период биографии Солженицына, снимается героизм этой страницы: факт учебы в артиллерийском училище с 1941 по 1943 годы критик сопровождает оценкой «какая роскошь!», обращает внимание, что отправлен был Солженицын на фронт «отнюдь не на передовую», а в резервную артиллерию («на фронте

его неоднократно посещает жена»). Арест в 1945 Р. Панферов называет спланированным вызовом судьбе (Солженицын ведет политически сомнительную переписку несмотря на известные ему обстоятельства военно-полевой цензуры): «сохраниться на исходе войны в сталинской шарашке, а заодно занять неординарную биографию?» [28; С.246]. Драматичный период заключения в биографии Солженицына также корректируется: попал «в привилегированную тюремную бригаду ученых» [там же].

В. Крупин еще более категоричен в своей задаче переписать созданную в прошлом славную биографию Солженицына-спасителя. «Но не все ли мы, не любой ли из нас созидал образ борца, народного защитника, великого писателя? Созидали! <...> Не мы ли мечтали: вот вернется Исаич, и Россия будет спасена. <...> Мы сами вознесли его на высоту, с которой он учил жить всех» [22; С.265]. Однако славная биография писалась не только народом, по мнению В. Крупина: «Солженицын как имя был сделан спецслужбами. Все шло, как по нотам: гонимый сиделец, живет не во лжи, режет правду-матку» [там же].

Ностальгическое переписывание истории

Проявление ностальгического дискурса в либеральной литературной критике фиксируется уже в 1992 – 1993 годах. Казалось бы, не сложилась еще минимальная временная дистанция, которая могла бы спровоцировать ностальгические эмоции. Более того, критика все еще погружена в процесс обновления, отсечения «советских» проявлений; ее идентичность формируется по принципу негативной (от противоположного, не так, как при советском времени); имеет место «реставрационная» стратегия, отсекающая в сознании читателя те ментальные проявления, которые восходят к советской ментальности. И все же складывается ностальгический дискурс. Причина тому – рад условий, которые спровоцировали ретроспективный взгляд. Прежде всего недалекое советское прошлое ассоциируется с былым авторитетным статусом. «Припоминание» этого статуса и заслуг как форма ностальгии позволяет смягчить переживаемый кризис самоидентификации. Критика создает новую идентичность, актуализируя прошлую модель критики и критика.

Старшее поколение критиков вспоминает прошлое (биографию своего поколения), привнося в нее оттенок героического. Так, С. Рассадин в статье «Освобождение от свободы», характеризуя молодое поколение литераторов-восьмидесятников, противопоставляет ему то ценное, что присутствовало когда-то в старшем, состоявшемся поколении. «Прошлое припоминается и конструируется так, как это в данном случае наиболее соответствует групповым потребностям» [17; С.59].

Ностальгия по советскому предполагает означивание событий советского периода как ценных в данный момент. События советской биографии находятся в так называемом «культурном архиве». Не репрезентативные, не отражающие реальную действительность, они оказались востребованными, потому что совпали с драматично переживаемой утратой статуса. В процессе ретроспекции явления прошлого означиваются как ценные в исторической перспективе. Ценными становятся прежний статус и востребованность, устойчивая идентичность, методология, которая гарантировала адекватное понимание и анализ текста, роль медиатора, переводчика с эзопова языка.

Ностальгически возвращается в прошлое С. Чупринин в статье «Элегия»: «В те баснословные времена я и сам ощущал себя прежде всего действующим, практическим (да вдобавок еще возмутительно молодым) критиком... снег в юности был, безусловно, чище, сахар – слаще, а профессия – значительнее» [35; С.185].

Биография поколения наполняется героическим, судьбоносным содержанием. Время молодости в воспоминаниях критиков – это время жизненно важных открытий, которые определяют профессиональную деятельность и жизнь в целом. Так, М. Берг вспоминает о 1980-х как о времени преодоления «перепутья» и увлечения неофициальной, нонконформистской самиздатской литературой, что и определило его эстетические ориентиры и исследовательское направление в будущем [3].

Другой формой проявления ностальгического дискурса и корректировки истории является «возвращение» в прошлое, чтобы осмыслить его «из вне». Взгляд «внутри», видится Н. Ивановой, необъективный, поскольку сознание что-то убирало «... важен был факт появления текста, его, текста, внутреннее послание» [20; С.210]. Взгляд «из вне» позволяет увидеть контекст. В статье «Прошедшее несовершенное» Н. Иванова возвращается в период начала перестройки, к политическим и культурным событиям 1986 года, видит их глазами человека, живущего в 1990-е, понимающего, что те или иные события определили будущее.

Потребность вернуться в прошлое для коррекции прежних литературных впечатлений движет М. Липовецким в статье «Современность тому назад». Он пишет «свою» историю: «... я предупреждал, что пишу не историю литературы, а, в лучшем случае, пытаюсь оформить свои отношения с этой самой историей»; «это моя история, мой ценностный ряд» [25; С.188,180]. Мы видим не реконструкцию прежнего опыта восприятия, а попытку соединить прошлое и настоящее несмотря на дискурс «похорон советской литературы» начала 1990-х. М. Липовецкий размышляет, почему почвенническая опора «деревенщиков», либеральная опора социальной прозы пережили крах, почему жизнеспособной оказалась модель мира Ю.

Трифонова, которая отменила «привычные формы вертикальной теологии» [25; С.187]. Критик возвращается в прошлое в поисках опоры и находит ее в «подсказках» Трифонова. Ностальгия такого рода – экзистенциального порядка, это форма понимания и самопонимания.

Пытаясь найти в прошлом ценностные ориентиры, критика перекодирует, смягчает некоторые факты (не вспоминается несвобода, цензура, репрессии), по сути, переписывая биографию поколения. Так, С. Рассадин статье «Освобождение от свободы» противопоставляет свободу истинную, борьбу за нее иждивенчеству и несвободе молодых; образ советского товарищества и коллектива – современной журналистской тусовке [29; С.213]; пустоту официоза – «бесмысленному словоплетению» современной литературы; принцип долженствования советского времени – безответственности нынешних беспартийных.

В биографиях-ностальгиях мы обнаруживаем феномен рессентимента (Ф. Ницше) – нового переживания прежнего чувства и его усиления. Макс Шелер, развивая идею Ницше, приходит к мысли, что рессентимент тесно связан с эскапизмом [36]. Действительно, критика рубежа XX-XXI веков в ситуации кризиса «сбегает» в прошлое. М. Липовецкий в статье «Современность тому назад» «очищает» реалии советского времени от признака «советский». Интерпретируя сцену собрания из «Плотницких рассказов», критик пишет: «Это никакой не советский абсурд. Советская власть тут ни при чем. Это стихийный, вечный абсурд, органически укорененный в народной жизни» [25; С.182]. В статье «Совок-блюз» М. Липовецкий последовательно реабилитирует в глазах читателя шестидесятников, образ которых пострадал на волне антисоветской моды. Выстраивая духовную биографию поколения, критик уходит от признака советскости, а советскость видит в современниках, страдающих болезнью «совка», ищущих врага [24].

Былая героическая журнальная биография в ситуации кризиса литературоцентризма мифологизируется. С. Чупринин пишет: «Для читающего сословия критика была тогда всем. Почти всем» [35; С.185], называет эту ситуацию «беспрецедентным в XX веке ренессансом литературно-критической мысли и литературно-критического искусства» [35; С.186]. В статье «Перечень примет» критик называет советское время «богатырским периодом отечественной словесности, ушедшим в предание» [34; С.188]. Героизирует биографию «толстых» журналов В. Новиков. В статье «Промежуточный финиш» деятельность журналов советского времени представляется им как предвосхищающая политические перемены. Образы редакторов отделов, сражающихся за рискованные тексты, обретают ореол героев [26].

А. Агеев говорит об утрате современной критикой профессиональной потребности в чтении, невладении информацией о литературном процессе, угасании «безусловных прежде рефлексов российской читательской публики» [1; С.180]. В. Новиков в статье «Раскрепощение» сравнивает былой свой читательский опыт с читательским опытом современного человека неподцензурного времени и приходит к выводу о более развитом критицизме и самостоятельности мысли читателя советского времени [27; С.211]. Современный же читатель, по мнению критика, часто равнодушный, заинтересованный околотитулярным успехом. П. Ткаченко замечает «общее падение интереса к литературе и даже равнодушие к ней. Пал духовный тонус жизни. Давно ли мы передавали друг другу зачитанные номера журналов с новыми произведениями, давно ли запальчиво спорили о них? Увы, споры наши переместились совсем в иные сферы...» [30; С.203].

Коллективная память о совместном прошлом, об общем коллективном опыте – один из моментов, поддерживающих идентификацию группы. Заметим, что не только идентичность в данном случае укоренена в памяти, но и последняя зависит от той или иной идентичности.

Анализ литературно-критических биографий, опубликованных в «толстых» журналах на рубеже XX-XXI веков, позволил подтвердить ряд выводов, к которым пришли исследователи, занимающиеся *memory studies*. Память группы функциональна, конструируема и переконструируема. Она селективна и позволяет извлекать из нее то, что необходимо здесь и сейчас, или «забывать» то, что неактуально. Манипуляции с памятью – эффективная стратегия в деле формирования устойчивой групповой идентичности. Современная критика подтверждает верность суждения А. Томсона, что «память – это поле битвы» [31; С.189]. Биографии авторитетных писателей создаются и переписываются, опровергаются и корректируются в соответствии с идеологическими установками группы. Исследование позволило вычлнить несколько стратегий работы с биографиями. Первая – конструирование биографии «своего» автора и шире – модели биографии «своего». Наполненная «правильными» жизненными решениями, она оказывается не только критерием оценки нового писателя, но и ориентиром для всех участников группы. Вторая – переписывание биографии «чужих» – используется в целях «захвата» и переозначивания «чужого» (но обладающего символическим капиталом) писателя и предполагает специфическую «подгонку» под образец. Третья – компрометирующее переписывание биографии – используется для усиления границы «свой-чужой», подрыва авторитета «чужого» автора. Четвертая стратегия – ностальгическое переписывание биографии с целью увидеть не замеченное, найти

идентификационные опоры. В процессе ностальгии советское прошлое мифологизируется, идеализируется, героизируется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев А. Выхожу один я на дорогу // Знамя. 1994. № 11. С.180-188.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Берг М. О литературной борьбе // Октябрь. 1993. № 2. С. 184-192.
4. Бондаренко В. Алая любовь Ольги Фокиной // Последние поэты империи. М.: Молодая гвардия. 2005. С.251-276.
5. Бондаренко В. Взбунтовавшийся пасынок русской культуры // Литературная Россия., 2003. 14 нояб. С.8-10.
6. Бондаренко В. Добровольное гетто Юнны Мориц // День литературы. 2001. 6 апр., № 4(55).
7. Бондаренко В. Жизнь с открытым сердцем // Наш современни., 2000. № 2. С. 253-261.
8. Бондаренко В. И весь он, как ерик потайной... О прозе Петра Краснова // Наш современник. 2007. № 8. С.235 - 241.
9. Бондаренко В. Одинокое блуждание по земле // Последние поэты империи: очерки лит. судеб. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 437-456.
10. Бондаренко В. Отверженный поэт // Наш современник. 2002. № 8. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=8&id=9> (дата обращения: 20.10.2020).
11. Бондаренко В. Подлинный Веничка. Разрушение мифа // Наш современник. 1997. № 7. С.177 - 185.
12. Бондаренко В. Покаяние грешного Глебушки... // Наш современни. 2003. № 12. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=12&id=10> (дата обращения: 16.10.2020).
13. Бондаренко В. Последний поклон Астафьеву // День литературы. 2001. 18 дек. № 13(63).
14. Бондаренко В. Элегическое простодушие Коли Дмитриева // Наш современник. 2005. № 11. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2005&n=11&id=11> (дата обращения: 16.10.2020).
15. Василенко А. Нужен ли читателю новый роман Юрия Бондарева? // Молодая гвардия. 1995. № 10. С. 229-233.
16. Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография / отв. ред. Н. А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2015. С. 29-57.
17. Васильев А.Г. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д.Л. Спивак. М.: Новый хронограф: Эйдос, 2009. Т.6. С. 56-68.
18. Воронцов А. Маяковский и его железные книги // Наш современник. 2013. № 8. С. 257-276.
19. Говорухина Ю.А. Русская литературная критика на рубеже XX – XXI веков: дис. ... д-ра филол. н. Томск, 2010. 469 с.
20. Иванова Н. Прошедшее несовершенное // Знамя. 1996. № 9. С. 201-210.
21. Колмогоров Н. «Весь опыт, что вместила жизнь...» К портрету русского сибирского поэта Евгения Буралева // Наш современник. 1998. № 8.

22. Крупин В. Несобственно-прямая речь // Наш современник. 2019. № 3. С. 264-267.
23. Лавлинский Л. Шаги истории // Наш современник. 1999. № 11. С. 259-265.
24. Липовецкий М. Совок-блюз // Знамя. 1993. №10. С. 226-239.
25. Липовецкий М. Современность тому назад // Знамя. 1993. № 10. С. 180-189.
26. Новиков. В. Промежуточный финиш // Знамя. 1992. № 9. С. 224-230.
27. Новиков В., 1990. Раскрепощение. Воспоминания читателя. Знамя, № 12. С. 210-216.
28. Панферов Р. Торжество лжепророка // Наш современник. 2018. № 12. С. 242-248.
29. Рассадин С. Освобождение от свободы // Знамя. 1995. № 11. С. 211-223.
30. Ткаченко А. «Входите тесными вратами...» Военная литературы в изменяющемся мире // Наш современник. 1996. №1. С. 2013-212.
31. Томсон А. Легенда об АНЗАКе: исследуя национальную мифологию и память в Австралии // Хрестоматия по устной истории / сост. и перевод. М.В. Лоскутова. СПб.: Изд-во европейского университета, 2003. С. 189-201.
32. Убогий А. Россия и Тютчев // Наш современник. 2003. № 4. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=4&id=9> (дата обращения: 20.10.2020).
33. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Неприкосновенный запас, .. 2005. №2-3 (40-41). С.8-27.
34. Чупринин С., 1995. Перечень примет. Знамя, № 1. С. 184-190.
35. Чупринин С, 1994. Элегия. Знамя, № 6. С. 185-190.
36. Шелер М., 1999. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука. 320 с.

REFERENCES

1. Ageev A. Vyhozhu odin ya na dorogu // Znamya. 1994. № 11. S.180-188.
2. Assman YA. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.
3. Berg M. O literaturnoj bor'be // Oktyabr'. 1993. № 2. S. 184-192.
4. Bondarenko V. Alaya lyubov' Ol'gi Fokinoj // Poslednie poety imperii. M.: Molodaya gvardiya. 2005. S.251-276.
5. Bondarenko V. Vzbuntovavshijsya pasynok russkoj kul'tury // Literaturnaya Rossiya., 2003. 14 noyab. S.8-10.
6. Bondarenko V. Dobrovol'noe getto YUnny Moric // Den' literatury. 2001. 6 apr., № 4(55).
7. Bondarenko V. ZHizn' s otkryтым serdcem // Nash sovremenni., 2000. № 2. S. 253-261.
8. Bondarenko V. I ves' on, kak erik potajnyj... O proze Petra Krasnova // Nash sovremennik. 2007. № 8. S.235 - 241.
9. Bondarenko V. Odinkoe bluzhdanie po zemle // Poslednie poety imperii: ocherki lit. sudeb. M.: Molodaya gvardiya, 2000. S. 437-456.
10. Bondarenko V. Otverzhenyj poet // Nash sovremennik. 2002. № 8. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=8&id=9> (data obrashcheniya: 20.10.2020).
11. Bondarenko V. Podlinnyj Venichka. Razrushenie mifa // Nash sovremennik. 1997. № 7. S.177 - 185.
12. Bondarenko V. Pokayanie greshnogo Glebushki... // Nash sovremenni. 2003. № 12. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=12&id=10> (data obra-shcheniya: 16.10.2020).
13. Bondarenko V. Poslednij poklon Astaf'evu // Den' literatury. 2001. 18 dek. № 13(63).
14. Bondarenko V. Elegicheskoe prostodushie Koli Dmitrieva // Nash sovremen-nik. 2005. № 11. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2005&n=11&id=11> (data obrashcheniya:16.10.2020).

15. Vasilenko A. Nuzhen li chitatel'nyy novyy roman YUriya Bondareva? // Molodaya gvardiya. 1995. № 10. S. 229-233.
16. Vasil'ev A.G. Kul'turnaya pamyat'/zabvenie i nacional'naya identichnost': teo-reticheskie osnovaniya analiza // Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya nacional'noj identichnosti Rossii v XXI veke: kollektivnaya monografiya / otv. red. N. A. Kochelyaeva. M.: Sovpadenie, 2015. S. 29-57.
17. Vasil'ev A.G. Memorializatsiya i zabvenie kak mekhanizmy proizvodstva kul'turnogo edinstva i raznoobraziya // Fundamental'nye problemy kul'turologii: sb. st. po materialam kongressa / otv. red. D.L. Spivak. M.: Novyy hronograf: Ejdos, 2009. T.6. S. 56-68.
18. Voroncov A. Mayakovskij i ego zheleznye knigi // Nash sovremennik. 2013. № 8. S. 257-276.
19. Govoruhina YU.A. Russkaya literaturnaya kritika na rubezhe HKH – HKHI vekov: dis. ... d-ra filol. n. Tomsk, 2010. 469 s.
20. Ivanova N. Proshedshee nesovershennoe // Znamya. 1996. № 9. S. 201-210.
21. Kolmogorov N. «Ves' opyt, chto vmestila zhizn'...» K portretu russkogo si-birskogo poeta Evgeniya Buravleva // Nash sovremennik. 1998. № 8.
22. Krupin V. Nesobstvenno-pryamaya rech' // Nash sovremennik. 2019. № 3. S. 264-267.
23. Lavlinskij L. SHagi istorii // Nash sovremennik. 1999. № 11. S. 259-265.
24. Lipoveckij M. Sovok-blyuz // Znamya. 1993. №10. S. 226-239.
25. Lipoveckim M. Sovremennost' tomu nazad // Znamya. 1993. № 10. S. 180-189.
26. Novikov. V. Promezhutochnyj finish // Znamya. 1992. № 9. S. 224-230.
27. Novikov V., 1990. Raskrepshchenie. Vospominaniya chitatelya. Znamya, № 12. S. 210-216.
28. Panferov R. Torzhestvo lzheproroka // Nash sovremennik. 2018. № 12. S. 242-248.
29. Rassadin S. Osвобождение от свободы // Znamya. 1995. № 11. S. 211-223.
30. Tkachenko A. «Vhodite tesnymi vratami...» Voennaya literatury v izmenyayushchemsya mire // Nash sovremennik. 1996. №1. S. 2013-212.
31. Tomson A. Legenda ob ANZAKE: issleduyaya nacional'nuyu mifologiyu i pamyat' v Avstralii // Hrestomatiya po ustnoj istorii / sost. i perevod. M.V. Loskutova. SPb.: Izd-vo evropejskogo universiteta, 2003. S. 189-201.
32. Ubogij A. Rossiya i Tyutchev // Nash sovremennik. 2003. № 4. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=4&id=9> (data obrashcheniya: 20.10.2020).
33. Hal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'. Neprikosvennyj zasap, ., 2005. №2-3 (40-41). S.8-27.
34. CHuprinin S., 1995. Perechen' primet. Znamya, № 1. S. 184-190.
35. CHuprinin S, 1994. Elegiya. Znamya, № 6. S. 185-190.
36. Sheler M., 1999. Resentiment v strukture moralej. SPb.: Nauka. 320 s.